

УДК 811.161.1; 81.344.4

Соколянский А.А.

*Северо-Восточный государственный университет
685000, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13, Российская Федерация*

ТИПОЛОГИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИЙ¹

Аннотация. В статье рассмотрена проблема типологии фонологических нейтрализаций. В результате проведённого анализа автор приходит к выводу, что явление нейтрализации, впервые теоретически осмысленное в работах представителей Пражской фонологической школы, до сих пор по-разному воспринимается учёными, принадлежащими отечественной лингвистической традиции. В статье формулируются пять требований, которые имплицитно предъявляются к нейтрализации. Автор приходит к выводу, что следует говорить, как минимум, о двух типах нейтрализации, которые отличаются друг от друга объёмом предъявляемых к ним требований.

Ключевые слова: фонема, нейтрализация, дифференциальный признак, позиция, Московская фонологическая школа, Пражская фонологическая школа.

A. Sokolyanskiy

*North-Eastern State University
685000, Magadan, Portovaya, 13, Russian Federation*

THE PHONOLOGICAL NEUTRALIZATIONS TYPOLOGY

Abstract. This article describes the typology of phonological neutralization. As a result of the conducted analysis, the author concludes that neutralization is still perceived differently by Russian linguists and Prague Phonological School which first described it. In the article the author describes five conditions that are implicitly applied to neutralization. The author comes to the conclusion that there are at least two different types of neutralization which differ from each other by different number of conditions.

Key words: phoneme, neutralization, differential feature, position, Moscow phonological school, Prague phonological school.

1.

Функция фонемы состоит в том, чтобы различать и отождествлять значимые единицы языка. Ещё Ф. де Соссюр писал: «Весь механизм языка

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Многоуровневая фонология русского языка», № 15-04-00338

жидется исключительно на тождествах и различиях... [13, с. 141]. В данной статье наше внимание будет сосредоточено на функции различения.

Различительная функция фонемы была открыта Л.В. Щербой. С позиций созданной им Ленинградской фонологической школы (ЛФШ), фонемы противопоставляются друг другу как целостные сущности, не требующие деления на отдельные признаки. Следующий шаг был сделан представителями Пражской фонологической школы (ПФШ), которые стали рассматривать фонему как совокупность дифференциальных признаков, с помощью которых и осуществляется функция различения фонем.

Представители Московской фонологической школы (МФШ) по-разному относились к учению о дифференциальных признаках. А.А. Реформатский уже в 1941 г. рассматривал дифференциальные признаки фонем русского языка как органическую часть МФШ [8]. Дружное неприятие советских фонологов вызвало появившееся в 50-е гг. учение о дихотомической классификации дифференциальных признаков. Из московских фонологов только М.В. Панов благосклонно отнёсся к новой классификации Р.О. Якобсона, но особым образом фонологизировал её применительно к своим собственным воззрениям [4].

Известно, что в одних позициях встречается больше единиц, в других – меньше. Отношения между позициями с разным количеством противопоставленных фонологических единиц лингвистика стремилась объяснить с помощью теории нейтрализации, которая была разработана ПФШ. В самом общем виде нейтрализация – это уменьшение различительной силы фонемы в той или иной позиции. В связи с этим уместно напомнить высказывание А.А. Реформатского: «Позиции существуют не для фонемы в целом, а для тех или иных её признаков <...> поэтому одна и та же позиция для одних признаков может быть сильной, а для других – слабой, например, для глухих и звонких согласных в русском языке конец слова по признаку звонкости–глухости – слабая позиция, а по твёрдости–мягкости – сильная (ср. *плод* и *плот* – одинаково [плот], но *плот* и *плоть* различаются) [7, с. 116, 117].

Имплицитно принято считать, что нейтрализация должна отвечать следующим требованиям:

1) Нейтрализация должна быть обусловлена заданными фонетическими параметрами позиции (вопрос о грамматических факторах в нейтрализации фонемных противопоставлений спорный, поэтому остаётся за пределами нашего анализа).

2) В позиции нейтрализации должно происходить уменьшение количества противопоставленных единиц.

3) Уменьшение количества противопоставленных единиц должно приводить к упрощению признаковой структуры фонемы.

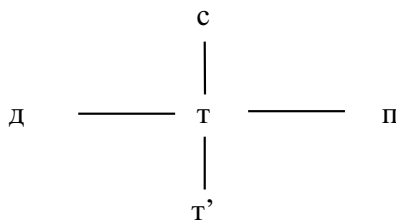
4) Нейтрализация должна быть представлена рядом чередующихся единиц в пределах морфемы.

5) Нейтрализация должна иметь объяснение в преобразовании признаковой структуры.

2.

Рассмотрим последовательно некоторые фонетические процессы русского языка с точки зрения сформулированных требований. Сначала пример оглушения шумных согласных в позиции конца слова, в котором соблюдены все требования, предъявляемые к нейтрализации.

А.А. Реформатским была предложена наглядная схема выявления дифференциальных признаков [8, с. 245]. Так, фонема /т/ имеет следующие связи с другими фонемами:

Противопоставление глухих и звонких согласных в русском литературном языке утрачивается в фонетической позиции конца слова. Это первое условие нейтрализации – наличие позиции, в которой нейтрализация осуществляется. Следовательно, первое условие в данном примере налицо: Π_d (позиция дифференциации) – позиция перед гласными, Π_n (позиция нейтрализации) – позиция конца слова.

В позиции конца слова уменьшается число противопоставленных фонем: /т/ × /д/ → /Т/, /т' / × /д' / → /Т' /, /с/ × /з/ → /С/ и др. Сокращение количества противопоставленных единиц – второе условие нейтрализации.

Как видно из схемы, фонема /т/ обладает дифференциальными признаками *зубная, взрывная, твёрдая, глухая*. В позиции конца слова противопоставление /т/ – /д/ утрачивается, в этой позиции функционирует архифонема /Т/ – *зубная, взрывная, твёрдая*. Четырёхпризнаковая фонема /т/ соотносится с трёхпризнаковой архифонемой /Т/. Упрощения признаковой структуры – ещё одно требование нейтрализации. Оно в данном случае выполняется.

Анализируемая нейтрализация хорошо иллюстрируется чередованиями внутри морфемы: *дубы // дуп, сады – сат, рózь – рос, гр'áз'и – гр'ас'* и др. Таким образом, четвёртое условие также соблюдается.

Механизм нейтрализации предполагает функциональную утрату признака глухости/звонкости в конце слова. Следовательно, пятое условие также налицо.

Как видим, в случае совпадения глухих и звонких согласных на конце слова все требования к нейтрализации соблюдаются.

3.

Теперь обратимся к случаям, когда не все перечисленные условия имеются в наличии.

Уже на начальном этапе своего развития фонология столкнулась с тем фактом, что не всякое отсутствие противопоставления можно рассматривать как нейтрализацию. Н.С. Трубецкой писал: «Когда одномерная оппозиция d-t нейтрализуется в исходе слов немецкого языка, то член оппозиции, выступающий в позиции нейтрализации, представлен не звонким и не глухим, а «неносовым дентальным смычным вообще» и как таковой противостоит, с одной стороны, носовому дентальному n, а с другой стороны, неносовым лабиальным и гуттуральным смычным. В противоположность этому то обстоятельство, что t и d невозможны в начале слова перед l, a b и p в таком положении возможны, не ведет к нейтрализации оппозиций d-b и p-t; в таком слове как Blatt «лист», начальное b сохраняет все свои признаки: оно остаётся лабиальным звонким и не может рассматриваться как представитель архифонемы в оппозиции d-b, ибо фонологическим содержанием такой архифонемы мог бы быть «звонкий вообще», а b в слове Blatt не воспринимается как таковой, поскольку g в слове glatt «гладкий» тоже является звонким. Следовательно, подлинная нейтрализация, благодаря которой один из членов оппозиции становится представителем архифонемы, возможна лишь при одномерных фонологических оппозициях <...> Если <...> в языке есть нейтрализуемая оппозиция, она всегда одномерна» [15, с. 85]. Получается, что противопоставление /d/ - /b/ и /p/ - /t/ отсутствует, но мы не можем рассматривать его как нейтрализацию, так как оппозиция по месту образования сохраняется ввиду функционирования в той же позиции фонемы /g/.

Аналогичные проблемы возникают в русском языке в связи с утратой противопоставления /ш/ - /с/ и /ж/ - /з/ в позиции перед шипящими. Нейтрализуется оппозиция зубных и альвеолярных перед ш и ж: с × ш → ш, з × ж → ж (*сшить* [ш:ы]ить, *сжать* [ж:a]ать). В настоящее время исследователи фиксируют сохранение зубного согласного в этих сочетаниях: произносят [сш]ить, [зж]ать и др. [2; 14]. Между тем фонологическая интерпретация позиции в данном случае не претерпевает изменений, так как по-прежнему значимое противопоставление зубных и альвеолярных в данной позиции

отсутствует. Описанное изменение является только предпосылкой к формированию фонологического противопоставления.

Анализируя рассматриваемый пример, М.В. Панов видел несовершенство артикуляционной классификации в том, что она не позволяет сократить функциональную характеристику архифонемы /Ш/ (М.В. Панов такую архифонему выделять не предлагал) по сравнению с характеристикой фонем /с/ и /ш/. Именно при рассмотрении этого употребления М.В. Панов приходит к выводу о предпочтительности дихотомической классификации. «Неудобство вот в чём. Пусть в какой-то позиции невозможен какой-то определённый признак. Если он входит в двучленный ряд несовместимых признаков, то это ограничение, несвобода в выборе признака непременно отражаются на строении всего звукового отрезка: его строение упрощается. Если же признак, невозможный в данной позиции, входит в многочленный ряд, то никакого упрощения не происходит» [4, с. 121]. Далее М.В. Панов подробно рассматривает проблемы синтагмо-фонологии, возникающие при описании анализируемых нами сочетаний.

Можно предположить, что нейтрализация вовсе необязательно приводит к сокращению количества дифференциальных признаков, как это считали Н.С. Трубецкой и М.В. Панов, она может строиться на сокращении количества признаков, по которым противопоставляются многочленные оппозиции. Перед *ш* многочленный ряд, состоящий из четырёх признаков, трансформируется в ряд, состоящий из трёх признаков:

/ (зубная – альвеолярная) – губная – заднеязычная / → / ПЕРЕДЕЯЗЫЧНАЯ – губная – зубная /.

Происходит не сокращение количества дифференциальных признаков фонемной единицы, а сокращение количества дифференциальных признаков, лежащих в основании самой классификации фонемных единиц². Таким образом, искомое упрощение характеристики налицо. Такой случай следует рассматривать не как отсутствие нейтрализации, а как её особую разновидность.

Таким образом, проанализированные нами примеры позволяют различать две разновидности нейтрализации: 1) нейтрализация, в основе которой лежит сокращение количества дифференциальных признаков фонологической единицы; 2) нейтрализация, в основе которой лежит сокращение в структуре многочленного ряда дифференциальных признаков.

---

² По аналогии с термином архифонема можно было бы предложить термин *архипризнак*. Тогда конечная /Т/ в слове *тот* должна характеризоваться не признаком глухая, а архипризнаком глухая.

4.

Очень часто в одной позиции различается большее количество единиц, чем в другой, но при этом нарушается четвёртое условие нейтрализации. Представители МФШ и ПФШ, специально не формулируя этого положения, исходят из того, что «правильная» нейтрализация проявляет себя только тогда, когда она может быть продемонстрирована чередованием внутри морфемы: *дубы́* – *дуп*, *но́г'и* – *нага́*. Приведённые соотношения иллюстрируют нейтрализации $b \times n \rightarrow n$, $o \times a \rightarrow a$. Между тем русский язык знает соотношения, которые не могут быть доказаны чередованием единиц внутри морфемы.

Подобные случаи Л.Л. Касаткин называет «мнимой нейтрализацией»: «Следует отличать нейтрализацию фонем от простого отсутствия противопоставления фонем в какой-либо позиции, когда нет такого чередования. Например, на конце слова возможны только твёрдые [к], [х] и не встречаются мягкие заднеязычные. Но из этого не следует, что на конце слова в этих твёрдых звуках происходит нейтрализация твёрдых и мягких заднеязычных фонем /к/ и /к'/, /г/ и /г'/, /х/ и /х'/, так как нет таких разных морфем, где твёрдые и мягкие заднеязычные противопоставлялись бы друг другу в одних и тех же позициях и совпадали в твёрдых заднеязычных на конце слова...

Такой случай, когда при отсутствии нейтрализации одна из парных фонем не употребляется в определённой позиции, некоторые фонологи называют мнимой нейтрализацией» [3, с. 114].

Здесь хочется согласиться со всем, кроме термина *мнимая нейтрализация*, который предполагает некоторую оценочность и указывает на ущербность такого типа отношений.

Сравним два явления: чередование *n // n* в конце корня в паре слов *клопѝ* – *клоп* и соотношение между первым и конечным согласным в слове *тот*. В обоих случаях мы имеем одинаковые фонетические позиции: первая – перед гласной, вторая – в конце слова. То, что конечный согласный в слове *клопѝ* соотносится в другой позиции в той же морфеме с согласным в слове *клоп*, не отменяет того, что конечный согласный в слове *тот* находится в той же позиции. Таким образом, фонетическая позиция сама по себе не зависит от того, в составе какой морфемы находится та или иная звуковая единица.

В словоформе *клопѝ* фонема /n/ противопоставлена по четырём признакам: *губная* (в отличие от *т* – *к*), *взрывная* (в отличие от *ф*), *твёрдая* (в отличие от *т'*), *глухая* (в отличие от *б*). В словоформе *клоп* конечная согласная противопоставлена по трем признакам: *губная*, *взрывная*, *твёрдая*. Признак *глухости* функционально не противопоставлен признаку *звонкости*. Следо-

вательно, конечный согласный представляет собой архифонему /П/. Начальная согласная фонема в слове *тот* так же, как и в предыдущем случае, обладает четырьмя признаками: *зубная* (в отличие от *п* – *к*), *взрывная* (в отличие от *с*), *твёрдая* (в отличие от *т*'), *глухая* (в отличие от *д*). Согласный *т* конца слова *тот* лишён функционального признака глухости/звонкости. Следовательно, на конце слова у нас архифонема /Г/. Параллелизм двух примеров по данному основанию полный. Отличие состоит в том, что в слове *тот* конечный согласный не чередуется с фонемой в сильной позиции.

Обратимся к примеру мнимой нейтрализации, который приводит Л.Л. Касаткин. Перед гласными возможны мягкие и твёрдые заднеязычные, а в позиции конца слова только твёрдые (примеры см. выше). Получается такое соотношение:

перед гласными	на конце слова
к – г – х	к – х
к' – г' – х'	

Если бы в русском языке было бы чередование *к*' // *к* в пределах морфемы, то приведённое соотношение трактовалось бы как полноценная нейтрализация. В русском языке есть похожее морфонологическое чередование, когда перед гласным употребляется мягкий согласный, а в позиции конца слова – твёрдый: *баши́н'я* – *башен*, *виши́н'я* – *вишен*, *череши́н'я* – *черешен*, *конюши́н'я* – *конюшен*, *песни́я* – *песен*, *баси́н'я* – *басен*. Понятно, что это морфонологическое чередование, однако подобное чередование заднеязычных, скорее всего, было бы фонетическим. Близкое к этому соотношение можно отметить в говорах: *Ва́нькя* – *Ва́нек*, *чайкю́* – *чаёк*, *Ми́шкя* – *Ми́шек*. Это редкое сегодня явление прогрессивного смягчения заднеязычных автор наблюдал в речи американской студентки из среды русских старообрядцев, приехавшей учиться в Магадан. Эти факты можно интерпретировать как доказательство отсутствия в говоре противопоставленности заднеязычных по твёрдости/мягкости, так и как свидетельство о позиционном чередовании по твёрдости/мягкости, что превращает это чередование в полноценную нейтрализацию. Скорее, верно второе ввиду употребления форм типа *Ми́шкя*, *Ма́шкя*, где появление мягкого заднеязычного может быть объяснено исторически воздействием предшествующего мягкого шипящего, а не действием синхронического фонетического закона. Мнимая нейтрализация в этих говорах превращается в полноценную.

5.

Теперь можно обозначить различие в подходе к нейтрализации стонником МФШ и ПФШ по четвёртому основанию. В теории МФШ нейтрализация должна проявлять себя внутри морфемы с помощью чередования: *б // н* (*дубы́* – *дун* – чередование в корне), *с // з'* (*сѣкаѣном'ит'* – *з'д'эльт'* – чередование в приставке). Для ПФШ проявление нейтрализации в морфеме, скорее, вопрос наглядности, чем теоретических оснований. Сопоставление *дубы́* – *дун* нагляднее, чем *дубы́* – *клоп*, но для ПФШ в принципе эти примеры равноправны. Дело в том, что основания для выделения фонем в МФШ и ПФШ различны. Для МФШ главное основание – это наличие позиционного чередования внутри морфемы. Тут уместны сопоставления *дубы́* – *дун*, но не имеют никакого отношения к выявлению позиционных чередований примеры типа *дубы́* – *клоп*. В ПФШ основание для фонемных сближений – признаковая структура. При таком подходе сопоставление *дубы́* – *дун* и *дубы́* – *клоп* оказываются в одном ряду. В словах *дун*, *клоп* конечный согласный 3-признаковый, а в словах *дубы́*, *клопы́* соответствующими им согласные 4-признаковые, на фонемном уровне это чередование фонемы и архифонемы: /б/ // /П/ и /п/ // /П/. В МФШ конечный звук – это вариант фонемы <п>, что доказывается морфемным сопоставлением. В слове *тот* на конце слова представлена архифонема /Т/, которая в чередование не вступает. С точки зрения МФШ, здесь гиперфонема <т>^т, а с позиций ПФШ архифонема /Т/. Понятия *гиперфонема* и *архифонема*_д в теории МФШ используются Л.Л. Касаткиным.

Так называемая мнимая нейтрализация осуществляется не в пределах морфемы, а в пределах словоформы. Нейтрализацию по-московски можно назвать позиционно-морфемной, она включает в себя четыре первые основания: 1) определяется фонетической позицией (в отличие от морфологических явлений); 2) приводит к уменьшению количества противопоставленных единиц; 3) приводит к упрощению признаковой структуры фонемной единицы, то есть к появлению архифонемы; 4) осуществляется в пределах одной морфемы.

Нейтрализацию по-пражски (мнимую нейтрализацию) можно назвать позиционно-словесной: она обладает первыми тремя свойствами, но безразлична к четвёртому требованию.

Можно прийти к выводу, что оба случая следует рассматривать как разновидности нейтрализации. Позиционно-морфемная нейтрализация является частным случаем позиционно-словесной нейтрализации, так как предполагает дополнительное требование – быть представленной в пределах морфемы. Позиционно-словесная нейтрализация должна быть описана

точно так же, как и позиционно-морфемная. Главное – помнить об их различиях и не путать одну нейтрализацию с другой.

6.

В рассмотренном примере объём пражской нейтрализации больше, чем московской, но на самом деле всё обстоит несколько сложнее. Неоднозначность возникает в процессе анализа пятого условия. Сопоставим два примера. В позиции конца слова отсутствует противопоставление глухих и звонких (это явление нами уже рассмотрено). В первом предупредительном слоге не различаются «московские» фонемы <o> и <a> и «пражские» фонемы /o/ и /a/, на их месте произносят [a]: *вóды* – *вадá*, *травы* – *травá*, *дрóф* – *драва́*. До сих пор нам удавалось, говоря о фонемах, не акцентировать внимания на различиях между МФШ и ПФШ. При анализе представленных примеров различия уже не удастся не заметить. Московские фонемы заключены в скобки <a>, а пражские – в /a/.

Исходя каждая из своих теоретических оснований, МФШ и ПФШ по-разному квалифицируют приведённые примеры. Неразличение глухих и звонких согласных в конце слова обе школы признают нейтрализацией. МФШ на том основании, что совпадение происходит в определённой позиции и может быть проиллюстрировано чередованием в пределах одной морфемы (*дубы* – *дуи*). ПФШ на том основании, что на конце слова невозможно противопоставление глухих и звонких, что приводит к появлению единицы с усечённой функциональной характеристикой – архифонеме.

Совпадение $o \times a \rightarrow a$ МФШ считает нейтрализацией, так как процесс является позиционно обусловленным и может быть проиллюстрирован позиционными чередованиями в пределах морфемы. В то же время ПФШ не находит оснований для рассмотрения этого явления как нейтрализации. Н.С. Трубецкой чередования русских гласных в ударной и безударной позиции описывает как морфонологический процесс, хотя и отдаёт отчёт в том, что подобное решение не является безупречным: «Тем не менее альтернативный ряд $\text{ò}:\text{à}$ и $\text{è}:\text{ì}$ имеет все свойства чередования с коррелирующими альтернантами, и русскому языковому сознанию чередования $\text{ò}:\text{à}$ и $\text{è}:\text{ì}$ представляются настолько же устойчивыми, как и чередования $\text{ù}:\text{ü}$, $\text{à}:\text{á}$, $\text{ì}:\text{í}$, и не могут быть от них отделены» [15, с. 89]. Особо Н.С. Трубецкой говорит о позиции после палатализованных согласных: «... после палатализованного согласного, а также после ž , š , ž , š , č , j гласные ò , à чередуются не с á , а с ì . Данный вид чередования также оказывается постоянным и не имеющим исключений, и тем самым его можно поставить в один ряд с чередованием $\text{ù}:\text{ü}$, несмотря на некоррелятивность участвующих в них фонем» [15, с. 89]. Следовательно, по своему позиционному поведению чередование $\text{ó} // \text{á}$ во

всем подобно нейтрализации, но отсутствие выявленного механизма нейтрализации (некоррелятивность) вынуждает Н.С. Трубецкого рассматривать это чередование в разделе морфонологии, а не собственно фонологии.

Представители Ленинградской фонологической школы (ЛФШ) склонны присоединиться к позиции Н.С. Трубецкого. Так, М.Б. Попов доказывает, что чередование *o // a* является не фонетическим, а морфонологическим процессом, ссылаясь на то, что это чередование отсутствует в таких примерах, как *на вы – но вы – новы́*, *Г[о]сдума, ра́ди[o]* и другие [6, с. 135–141]. МФШ смотрит на эти примеры иначе и по разным основаниям не считает возможным рассматривать их в рамках основной фонологической системы русского языка.

Попытка объяснить механизмы нейтрализаций русских безударных гласных была предпринята нами в ряде работ [9; 10, с. 201–269; 11; 12, с. 57–63]. Основная идея состоит в том, что русский вокализм построен на двух градуальных оппозициях: по подъёму (верхний, средний, нижний) и по лабиализации (нелабиализованный, слабо лабиализованный, сильно лабиализованный). В позиции первого предударного слога градуальная оппозиция по лабиализации трансформируется в привативную оппозицию: */нелабиализованный – слабо лабиализованный – сильно лабиализованный/* → */нелабиализованный – лабиализованный/*. В результате этого изменения устраняется срединный член градуальной оппозиции по лабиализации: $(a \times o) \div y \rightarrow a \div y$. Насколько мне известно, данное объяснение оставило фонологов равнодушными. Не настаивая на однозначности принятого решения, автор статьи тем не менее считает, что поиск объяснения позиционного устройства русских гласных следует искать на пути уточнения фонологических свойств русских гласных. Интересные решения предлагаются Т.А. Перегожиной, своими общими подходами она близка к нашим идеям, хотя конкретные объяснения у неё иные [5].

Если решение в отношении теоретических проблем нейтрализации не будет найдено, это постепенно приведёт фонологию к отказу от многих достижений ПФШ. В связи с этим хотелось бы процитировать Л.И. Богораз, писавшую: «Остаётся либо расширить определение Трубецкого и признать, что нейтрализуемы не только одномерные оппозиции: тогда, сняв ограничения, мы лишаем понятие «нейтрализация» какой бы то ни было определённости и подводим под него все случаи аномальной дистрибуции; либо, последовательно применяя данное определение, мы настолько сузим круг явлений, объясняемых этим понятием, что оно фактически лишится какой бы то ни было значимости, а исключённые таким способом явления всё равно потребуют своего объяснения...» [1, с. 153]. Думается, что теоретическое наследие Н.С. Трубецкого ещё далеко не исчерпало себя и может послужить развитию

не только ПФШ, но и МФШ. Противоречие между школами по пятому условию нейтрализации не является принципиальным, а связано большей частью с недостатками в осмыслении ряда фонологических явлений.

Литература:

1. Богораз Л.И. О нейтрализации и архифонеме в связи с согласными архифонемами русского языка // Проблемы структурной лингвистики. 1963. М.: Институт русского языка. 1963. С. 153–163.
2. Каленчук М.Л. Делимитация значимых единиц языка с помощью фонетических средств // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28–30 октября 2016 года. М.; СПб.: Нестор-История. 2016. С. 48–50.
3. Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Академия, 2014. 271 с.
4. Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.
5. Перегожина Т.А. Оппозиции гласных фонем и их нейтрализация в современном русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 1. С. 55–60.
6. Попов М.Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 346 с.
7. Реформатский А.А. Основные положения МФШ // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970. С. 114–120.
8. Реформатский А.А. Проблема фонемы в американской лингвистике // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970. С. 204–248.
9. Соколянский А.А. Градуальные оппозиции как системообразующие для русского вокализма // Вопросы языкознания, 2011. № 1. С. 74–83.
10. Соколянский А.А. Модель многоуровневой фонологии русского языка: монография. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 282 с.
11. Соколянский А.А. Фонологическая интерпретация русского вокализма // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка : сборник тезисов. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 244.
12. Соколянский А.А. Фонологические заметки: монография. Магадан: Типография, 2015. 76 с.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–273.
14. Тимофеев В.В. Особенности произношения приставок в современном русском литературном языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. 331 с.
15. Трубецкой Н.С. Морфонологическая система русского языка // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 67–142.
16. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.

References:

1. Bogoraz L.I. *O neutralizatsii arkhifoneme v svyazi s soglasnym iarkhifonemami russkogo yazyka* [The Neutralization and Archiphonemes in Connection with Consonant Archiphonemes of the Russian Language] // *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of Structural Linguistics]. M., 1963, pp. 153–163.
2. Kalenchuk M.L. *Delimitatsiya znachimykh edinits yazyka s pomoshch'yu foneticheskikh sredstv* [The Delineation of Meaningful Units of Language by Means of Phonetics] // *Fonetikasegodnya. Materialy dokladov i soobshchenii VIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 28–30 oktyabrya 2016 goda* [Phonetics Today. Proceedings of the VIII International Academic Conference October 28–30, 2016]. M.; SPb., Nestor-Istoriya, 2016, pp. 48–50.
3. Kasatkin L.L. *Sovremennyyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian Language. Phonetics]. M., Akademiya, 2014. 271 p.
4. Panov M.V. *Russkayafonetika* [Russian phonetics]. M., Prosveshchenie, 1967. 438 p.
5. Peregozhina T.A. *Oppozitsii glasnykh fonem I ikh neutralizatsiya v sovremennom russkom yazyke* [The Opposition of Vowel Phonemes and their Neutralization in the Contemporary Russian Language] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2015, no. 1, pp. 55–60.
6. Popov M.B. *Problemy sinkhroni cheskoj idiakhronicheskoi fonologii russkogo yazyka* [Problems of Synchronic and Diachronic Phonology of the Russian Language]. SPb., 2004. 346 p.
7. Reformatskii A.A. *Osnovnye polozheniya MFSH* [The Main Provisions of the Moscow Phonological School] // Reformatskii A.A. *Iz istorii otechestvennoi fonologii. Ocherk. Khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology]. M., Nauka, 1970, pp. 114–120.
8. Reformatskii A.A. *Problema fonemy v amerikanskoj lingvistike* [The Problem of Phonemes in American Linguistics] // Reformatskii A.A. *Iz istorii otechestvennoifonologii. Ocherk. Khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology]. M., Nauka, 1970, pp. 204–248.
9. Sokolyanskii A.A. *Gradual'nye oppozitsii kak sistemoobrazuyushchie dlya russkogo vokalizma* [Gradable Oppositions as a Backbone for the Russian Vocalism] // *Voprosy yazykoznanija* [Problems of Linguistics], 2011, no. 1, pp. 74–83.
10. Sokolyanskii A.A. *Model' mnogourovnevoifonologiiirusskogoyazyka: monografiya* [Model multi-tiered phonology of the Russian language: monograph]. Magadan, 2010. 282 p.
11. Sokolyanskii A.A. *Fonologicheskaya interpretatsiya russkogo vokalizma* [Phonological Interpretation of the Russian Vocalism] // *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': Mezhdunarodny ikongress issledovatelei russkogo yazyka : sbornik tezisov* [The Russian Language: its Historical Destiny and Present State: the International Congress of Russian Language Researchers : Abstracts]. M., 2001, pp. 244.
12. Sokolyanskii A.A. *Fonologicheskie zametki: monografiya* [Phonological Notes: Monograph]. Magadan, 2015. 76 p.
13. Saussure F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of General linguistics] // Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on Linguistics]. M., 1977, pp. 31–273.

14. Timofeev V.V. *Osobennosti proiznosheniya prstavok v sovremennom russkom literaturnom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [The Pronunciation of the Prefixes in the Contemporary Russian Literary Language: Thesis of ... PhD of Philological Sciences]. M., 2016. 331 p.

15. Trubetskoy N.S. *Morfonologicheskaya sistema russkogo yazyka* [Morphonological System of the Russian Language] // Trubetskoy N.S. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. M., 1987, pp. 67–142.

16. Trubetskoi N.S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of Phonology]. M., 1960. 372 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколянский Александр Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры русской филологии и журналистики Северо-Восточный государственный университет; e-mail: sokol_2001@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolyanskiy Alexander A. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor, Department of Russian Philology and Journalism, North-Eastern State University; e-mail: sokol_2001@outlook.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Соколянский А.А. Типология фонологических нейтрализаций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Sokolyanskiy A.A. The Phonological Neutralizations Typology // Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2016, no. 4. URL: www.evestnik-mgou.ru